

Мухачев Вадим Владимирович –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
социально-политических исследований РАН

НА УХАБАХ ИСТОРИИ¹ К 100-летию большевистского Октября

«Кто имеет уши слышать, да слышит!»

Евангелие от Матфея: притча Иисуса

Близится 100-летие Октябрьской революции, годовщина которой последний раз достойно, как того требует всемирно-историческое значение этого события, на родине Великого Октября отмечалось 30 лет назад, незадолго до распада СССР, приведшего к реставрации капитализма на его развалинах.

В октябре 1993 г. после расстрела из танков Белого дома с остатками Советской власти государственная власть полностью перешла в руки сторонников возврата России в «мир капитала». Этому курсу привержен и В. Путин, по представлениям которого родина Великого Октября нуждается в «нормальном капитализме для каждого» [19].

В течение 25 лет после роспуска СССР либеральные политики и находящиеся у них на кормлении *пишущие* и *говорящие* «головы» из числа историков и политологов, экспертов и аналитиков, а также штампующих *фейковые* «новости» журналистов, делали все, чтобы, фальсифицируя до неузнаваемости *реальный* образ Октябрьской революции, вытравить его из сознания россиян. Ради этого Государственной думой в конце 2004 г. был принят закон о лишении 7 ноября статуса *государственного* праздника и наделении им 4 ноября, который было велено считать Днем народного единства. И вдруг за год до 100-летнего юбилея Великого Октября либеральная власть впервые за всю историю постсоветской России решилась отметить это событие *официально*, с участием политического бомонда.

1 декабря 2016 в ежегодном послании Федеральному собранию Президент РФ сказал: «Наступающий, 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, ученых – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий» [18].

Объективный анализ прошлого и настоящего, или идеологический компромисс власти и общества?

Возникшая в России из отрицания социализма (коммунизма), сама ставшая таким отрицанием в проводимой ею политике строительства капитализма, власть может относиться к *социалистической* революции 1917 г. лишь отрицательно. Поэтому принятое ею решение отметить 100-летие большевистской революции стало для нее *вынужденным*, а по содержанию – *двусмысленным*.

Дела сегодня в самой России, а также ее международное положение, не те, чтобы власти могли проигнорировать 100-летний юбилей Великого Октября. Грубые стратегические просчеты, допущенные в 1990-е гг. не по уму амбициозными и недалекими политиками ельцинского «призыва» в период перехода страны к «рыночной экономике», до сих пор мешают строительству «нормального капитализма для каждого», которого, увы, не бывает.

¹ Источник: журнал «Свободная мысль», 2017, № 5. С. 155-170.

Нормальный капитализм это тот, где меньшинство живет и богатеет за счет большинства. Другого капитализма история не знает.

В конце 2016 г. Credit Suisse опубликовал доклад о мировом благосостоянии, из которого следует, что у 28 млн. взрослых россиян размер личных активов не превышает 248 долл., и по числу таких «состоятельных» людей Россия находится между Индонезией и Эфиопией [20]. Вместе с увеличением числа «бедных» в постсоветской России продолжает расти концентрация богатств, в результате чего в руках немногочисленной прослойки «самых богатых» находится 89% всего благосостояния страны, что выше, чем в США (78%) или в Китае (73%). Эти данные Credit Suisse подтверждаются одной из крупнейших в мире консалтинговых компаний Capgemini, согласно которой 62% богатств России находится в руках долларовых миллионеров и 26% – у долларовых миллиардеров.

Следствием аномальной социально-экономической ситуации в стране становится рост числа резонансных трудовых конфликтов, которые выливаются в пикеты, забастовки и протесты. По данным Центра экономических и политических реформ за июль-декабрь 2016 г. зарегистрировано на 157 больше, чем в первой половине года. За 12 месяцев прошлого года количество конфликтов, связанных с задержками и снижениями зарплат, массовыми сокращениями работников или переходами предприятий на неполное рабочее время, достигло 1141. Из них 207 вылились в *массовые акции* с отказом людей от выхода на работу и объявлением голодовок [29].

Одновременно с обострением проблем внутри страны, выяснилось, что природа противоречий между Россией и странами «передового» капитализма *глубже*, чем это представлялось неолиберальным политикам 1990-х годов. Очевидные успехи КНР в развитии народного хозяйства, превратившие эту, возглавляемую *коммунистической* партией, страну в «фабрику мира» и обеспечивающие ей крепкие позиции в мировой экономике, наглядно показали сколь было и остается много пустого, наносного и неумного, в антикоммунизме постсоветских либералов.

Теперь и у нас всем, кроме *чубайсов, ясиных и кудриных*, ясно, что в «мире капитала», куда они возвратили Россию, говоря словами премьер-министра Великобритании середины XIX в. Пальмерстона, «нет друзей, а есть только национальные интересы», или, что точнее: интересы *собственников* национального капитала. Ради получения *прибыли* в этом мире идет постоянная *классовая война* между собой и с противостоящим буржуазии пролетариатом, о чем применительно к современному этапу развития капитализма говорит и пишет известный американский лингвист и политический публицист Н. Хомский [26; 27]. Война идет за ресурсы, за свободные рынки и ложи «VIP» на политическом Олимпе, места в которых способствуют в этой борьбе процветанию одних за счет других. Все это задолго до Хомского можно было узнать из социалистической литературы XIX-XX вв., но либералы плохие ученики.

Сегодня, когда властям России приходится искать сотрудничества с «коммунистическим Китаем», где на протяжении десятилетий чтят Великий Октябрь и Ленина, было бы, по меньшей мере, неpolitкорректно не заметить 100-летнего юбилея большевистской революции.

Принятое властью решение о проведении юбилейных мероприятий оказалось двусмысленным из-за ряда *вненаучных*, отражающих политические задачи нынешней власти, оговорок, которыми сопровождалась задача «объективного и честного» анализа истории 1917 года. Прорекларировав эту задачу, Президент счел нужным добавить, что «уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам сегодня удалось достичь», после чего завершил эту часть своего выступления словами: «Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь...».

«Тащить в сегодняшнюю жизнь расколы, обиды и ожесточение прошлого» всегда неправильно. Особенно это неправильно, когда этих расколов и обид и без революционного «прошлого» хватает в жизни современной России, где, как и в 1917 г., они связаны с очевидным для власти и электората, имущественным неравенством и социальным расслоением рос-

сийского общества. Не воспоминания о прошлом, а *нынешнее* бытие россиян в XXI в. определяет их сознание. «Расколы и обиды прошлого» *нельзя* «притащить в настоящее», если само настоящее ничем не напоминает прошлого.

То, что в установках Президента выглядело двусмысленным *алогизмом*, в практических шагах ответственных за «юбилей» кремлевских политиков приобрело логически-последовательный вид, который исключает всякую возможность «объективного и честного анализа». В декабре 2016 г. на заседании президиума «Российского исторического общества» (РИО), которому Президент поручил подготовить и провести юбилейные мероприятия, задача «не тащить расколы прошлого в сегодняшнюю жизнь» вышла на первый план и затмила собой пожелание «честного и объективного» анализа. Председатель Российского исторического общества (РИО) С. Нарышкин главным уроком революций 1917 г. назвал тогда «умение не допускать крайнего раскола в форме гражданской войны» [22]. При этом, официальный куратор российских историков не прояснил главного: насколько гражданские войны зависят от *объективных* причин, коими являются классовые антагонизмы и борьба классов, превращающие эти войны в историческую *необходимость*, а также в чем заключается «умение» власти капиталистической страны избежать «крайнего раскола». История до сих пор знает лишь две разновидности такого «умения» – репрессии и манипулирование сознанием «униженных и оскорбленных». Представитель администрации Президента П. Зенькович фактически выступил как цензор и заявил, что дискуссии вокруг революций 1917 г. «должны соотноситься с мнением, которое выработает РИО».

Своими оговорками и установками власть предложила обществу политико-идеологической *компромисс* между научным анализом истории 1917 г. и решением ею проблемы «социального мира» в постсоветском, экономически и социально разнородном, обществе. Между тем, при поиске *объективной* истины никакие компромиссы в отличие от политики или бизнеса невозможны.

Желаемого властью компромисса в отношении октябрьских событий 1917 г. внутри российского общества достичь не удалось даже в этой, экономически и социально *далекой* от «народа», аудитории. Зампред ЦК КПРФ Д. Новиков выступил против формулировки «100-летие революции в России», в связи с чем руководство КПРФ по случаю 100-летия *Октябрьской* революции создало *свой* «юбилейный комитет». Вице-спикер Государственной Думы, И. Лебедев, наоборот, заявил, что для ЛДПР «это не праздник, а траур» и что его партия проведет «ряд мероприятий, разоблачающих истинную подоплеку этого события».

Вслед за политиками, «истинной подоплекой» Великого Октября уже озаботились профессиональные обществоведы и журналисты. В ближайшие месяцы об Октябрьской революции, большевиках и коммунистах, а также истории СССР, снова, как во времена перестройки, будет немало сказано и написано *разного*, не только взаимоисключающего, но и внутренне противоречивого. И, как всегда в таких случаях, это во многом будет зависеть от *личности* пишущего и говорящего, от его теоретической подготовки и нравственности, способности добраться до сути познаваемого, не роняя своей профессиональной чести и достоинства.

Классовая борьба и наука

*«У каждого человека есть право иметь
собственное мнение, но не собственные факты»*

Д. Мойнихэн, государственный деятель США

Слова американского сенатора и эксперта по расовым и этническим отношениям Д. Мойнихэна, ставшие на его родине афоризмом, с *материалистической* точки зрения проводят гносеологическую грань между *наукой* и *идеологией*, когда ум человека, в первом случае, учитывает все ему доступные факты объективной реальности, что позволяет в последу-

ющем получать *точное*, постоянно *уточняемое* и при существующих условиях познания *предельно* «точное» знание объективной реальности, в чем, собственно говоря, и заключается цель, суть и предназначение науки, а во втором – отталкивается только от *соответствующих его взглядам* событий и эпизодов истории, после чего вырабатывает «собственное мнение», в котором действительность неизбежно предстает в *искаженном* виде. Это и есть разновидность идеологии, которую Маркс определял, как «превратное», «иллюзорное» или «ложное» сознание.

Результаты познавательной деятельности людей зависят не только от их природных задатков или уровня образования и объема знаний, но также от присущих им нравственных качеств, определяющих «жизненную позицию». Можно быть человеком высокой нравственности, но, при этом, верхоглядом и дилетантом. А можно иметь обширные и местами глубокие знания, но при этом быть очень «практичным», всегда думающим, в первую очередь, о себе, человеком. О таких Маркс говорил: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре» [11. С. 454]. Чтобы не «быть скотом», необходимо, как бы это ни было трудно, бороться со *скотством* окружающей жизни, преодолевая официальную точку зрения экономически господствующего класса и *его* власти, выступающей от имени существующего «государства».

Прежде чем стать *идеологией*, «наука буржуазии» во времена революционной молодости этого класса, не была псевдонаукой и вполне соответствовала критериям научного знания того времени. Создавая экономическую науку капитализма или описывая историю борьбы буржуазии против земельной аристократии феодального общества, она следовала *материалистической* гносеологии *того времени*. Она же открыла факт существования в обществе экономически и социально разнородных классов и борьбы между ними, чем заложила основы будущей, *пролетарской*, точки зрения (и науки) на эти явления и всемирную историю. Маркс признавался: «Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов» [12. С. 426-427].

О точке зрения революционной буржуазии на классовую борьбу, условиях ее возникновения и теоретическом значении для пролетарской науки (марксизма), писал и Энгельс: «Со времени введения крупной промышленности, то есть по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: земледельческой аристократии (*land aristocracy*), с одной стороны, и буржуазии (*middle class*) – с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство». И далее: «Отношения так упростились, что только люди умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновении их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории, по крайней мере, в указанных двух самых передовых странах» [28. С. 308]. Свои рассуждения Энгельс закончил следующими словами: «Таким образом, по крайней мере для новейшей истории, доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, – ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, – ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*» [28. С. 309-310].

Все, что было в буржуазной литературе о классах и классовой борьбе «научного», марксизм взял и, подвергнув диалектико-материалистическому анализу исторические реалии XIX в., создал цельное учение, охватывающее все стороны жизни людей в классовом обществе. С тех пор суждение «история человечества последних тысячелетий во многом была и остается историей борьбы классов, возникших из разделения труда в обществе и развития института частной собственности» стало трюизмом. И, тем не менее, несмотря на свою оче-

видность, этот фундаментальный исторический факт уже давно не находит себе места в речах буржуазных политиков и книгах послушно внимающих им теоретиков. Не вспоминают о нем и постсоветские идеологи, от руководства страны до журналистов буржуазных СМИ. Объяснение такой «невнимательности» все то же: «бытие определяет сознание».

Прошла половина XIX столетия и буржуазия совсем *по-другому*, чем раньше, стала смотреть на борьбу классов и относиться к ней. Поворотным пунктом в смене политической и теоретической позиции буржуазии в отношении классовой борьбы стал факт *самостоятельных* выступлений рабочих, которые со второй трети XIX в. начали выдвигать собственные политические требования и предъявлять их власти (чартизм в Англии, вооруженное восстание французских рабочих буржуазно-демократической революции 1848-1850 гг.). Отныне буржуазия не только постаралась забыть о «грехах» своей революционной молодости, но провозгласила «классовый мир» *внутри* нации своей главной политической задачей. В марте 1852 г. будущий премьер-министр Великобритании Дизраэли, назначенный незадолго до этого министром правительства тори, заявил: «Мы постараемся положить конец этой *классовой борьбе*, оказавшей в последние годы такое пагубное влияние на благополучие нашего королевства» [12. С. 423].

Столкнувшись лицом к лицу со своим, по законам собственного способа производства ею же самой вызываемым к жизни, классовым противником, буржуазия превратилась в *консервативную*, противостоящую дальнейшему развитию истории и «делу свободы», силу, а ее теоретики стали *идеологами*, апологетами этой силы. Так в изучении истории общества возникла ситуация, когда стали жить, каждая своей жизнью, *две науки* – «буржуазная» и «пролетарская».

Первая получила официальное признание, была поставлена господствующим классом на довольствие и, превратившись в *казенную науку*, принялась отрабатывать свой буржуазный паек, обменивая на него нравственные принципы «человека науки». Все это превратило ее в псевдонауку, ту наукообразную идеологию, где цель поиска объективной истины изначально, «по умолчанию», обременена *вненаучными* мотивами служения «хозяину» во имя его и, разумеется, собственного спокойного и комфортного существования.

Если во времена своей революционной молодости, дав начало Просвещению, буржуазия боролась с церковью и господствовавшими в обществе религиозными догматами, то сегодня ее теоретики вынуждены писать о «поминках по Просвещению» [3], либеральная власть постсоветской России искать в религии оправдание и в церкви опору своей политике. Главный же либерал-демократ страны В. Жириновский предупреждает власть об опасности для нее качественного образования россиян [4].

Пролетарская наука зарождалась из демократической оппозиции будущих создателей марксизма *буржуазной псевдонауке* и в нравственном отношении была безупречной. Доктору Марксу было 23 года, когда, столкнувшись с преследованиями коллег из Боннского университета за «вольномыслие», он навсегда отказался от намерения быть университетским профессором. Энгельсу было 24 года, когда он пришел к выводу, что «наука как источник дохода и свободная наука, свобода преподавания и факультетские статусы противоречат друг другу» [13. С. 103]. В «Манифесте Коммунистической партии» оба они, отметив, что «в ледяной воде эгоистического расчета» буржуазия «потопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности», лишь констатировали очевидный факт наступившей эпохи: «Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» [14. С. 426-427].

Едва возникнув, «пролетарская» наука была предана буржуазией остракизму, стала жить впроголодь, но зато осталась свободной в нравственном выборе ее приверженцев и познании ими объективной реальности. Благодаря этому, а также неумемному желанию дойти до сути происходящего, помноженному на интеллектуальную мощь и огромную работоспособность своих выдающихся теоретиков, она в лице лучших из них, Маркса, Энгельса и Ленина в первую очередь, была поднята на гносеологически самую высокую из всех точек познания.

Марксизм стал наукой не потому, что выступил в защиту интересов пролетариев, а, наоборот, он стал теоретическим обоснованием точки зрения этого класса людей благодаря своей, в научном отношении безупречной, гносеологии. Опора на *общенаучный* метод познания, которым стал, вобравший в себя материалистическое понимание истории, диалектический материализм, через анализ *действительной* общественной жизни и социальной структуры классового общества, неизбежно приводит к пониманию того, что в новейшей истории интересы только «пролетариата» как класса, который своим трудом обеспечивает существование всех и каждого и которому «нечего терять, кроме своих цепей», отвечают потребностям дальнейшего развития человечества, в силу чего *подлинная* наука обязана стоять на точке зрения *этого* класса.

Наукообразная идеология и «мозг нации»

«Ты – это твои действия, и нет другого тебя»

А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Более 170 лет идет теоретическая борьба между теми, кто верен духу науки и гносеологии марксизма, и теми, кто, выполняя социальную функцию теоретических «лакеев буржуазии» (Ленин), лишь *играет* в «науку» на попрание наукообразной идеологии, закрывает глаза на классовую борьбу, бежит от *материалистической* истории и опирается на идеалистическую методологию познания. Кто же эти «горе-теоретики»?

Все они – выходцы из т.н. «образованного общества», той его части, которая гордо называет себя *интеллигенцией* и кичится этим, забывая, что при капитализме все они – «платные наемные работники буржуазии». Относясь к мелкой буржуазии, эти люди являются *той* частью этого класса, которая из исторически сложившегося общественного разделения труда на физический и духовный извлекает для себя определенные социальные преимущества.

Разумеется, что все сказанное выше о буржуазной науке и ее теоретиках имеет прямое отношение к официальному (казенному) обществознанию постсоветской России. Так, историки, которым, обнаружив теоретическую вакханалию в их учебниках, Президент поручил в 2013 г. подготовить единую концепцию прошлого России, создали далекий от материалистического взгляда на историю «историко-культурный стандарт» [17], где *первыми* заговорили о «Великой российской революции 1917 г.», опустив в этом названии слова «Октябрьская» и «социалистическая». А, чтобы снять с себя ответственность за свой скоропортящийся идеологический продукт, утвердили этот «стандарт» у Президента. Идеологией можно травить сознание людей, но нельзя остановить хода истории. В угоду той или иной власти можно неоднократно переписать учебники, но саму, состоящую из эмпирически наблюдаемых фактов, историю переписать нельзя.

Обходит сегодня стороной вопрос о делении общества на классы и классовой борьбе и научный директор Российского военно-исторического общества М. Мягков, который в недавнем интервью газете «Ноев Ковчег», рассуждая о 1917 г., вещает: «Глубинная причина раскола страны в том, что для одних старый мир и порядок со своими ценностями, идеалами, культурой рушился, и они старались его сохранить. А другим терять было нечего, и они стремились построить новый мир, в котором жилось бы хорошо всем, и сражались за него, отрицая мир старый» [2]. Услышать такое из уст *бытописателя*, смотрящего на мир глазами художника, приемлемо, но, когда это произносит специалист по истории, то возникают вопросы, имеющие отношение к его квалификации и жизненной позиции.

Той же дорогой, обходя проблему классовой борьбы, идет историк В. Булдаков, чью статью об Октябре 1917 г. медиахолдинг РБК разместил на своем сайте. Вот некоторые «научные»

открытия этого главного научного сотрудника института российской истории РАН: «В общем причина революции лежала не столько в области экономики и социального положения, сколько в психологии восприятия того и другого... Подлинный прогресс может быть только эволюционным... Основой его является совершенствование самого человека» [1]. Такими же словами, отводя глаза в сторону от общественного бытия и рассуждая об эволюции и совершенствовании человеческой «природы», увещали революционную буржуазию служители церкви и другие идеологи *реакционной* феодальной аристократии в XVII-XVIII веках.

Не случайно достаточно независимый и самостоятельный в своих суждениях публицист В. Третьяков в статье «Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года», сказал: «неразумно и несправедливо отдать этот юбилей и само событие на откуп историкам. В большинстве своем сегодня, как и всегда, историки... идеологически ангажированы» [23].

Не менее, чем историки, ангажированы властью представители других отраслей официального общественно-научного познания постсоветской России. Так, среди социологов немало таких, которые, исследуя социальную структуру постсоветской России, тоже обходят вопрос существования классового антагонизма. Еще больше таких «специалистов» среди политологов и правоведов, которые не желают и не умеют опускаться до экономических корней политической жизни, а предпочитают рассуждать о «философии» политики и права, словно в этом они могут превзойти Гегеля. Вот почему анализ мировой и российской политики *экономистом* М. Хазиным [24; 25] *весомее* десятков чисто-политологических исследований. Но и среди экономистов, чей предмет познания имеет непосредственное отношение к *материальному* «телу» общественной жизни, наблюдается мировоззренческая сумятица и разброд, свидетельством чему служит, например, заимствованное из западной мысли направление «институционализма», где материалистическая заповедь Маркса что история людей есть «*не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека*» [13. С. 102], отброшена в сторону, а на место конкретных, эмпирически существующих, людей поставлены безжизненные «институты», словно, взятые так, в отрыве от живого человеческого материала, они сами по себе что-то могут. Это не более, чем очередная уловка буржуазной науки, чтобы уйти от вопроса существования классов и классовой борьбы.

В идеологическое оболванивание населения капиталистических стран путем распространения *ложных* знаний, о социализме, большевиках и СССР в том числе, значительную лепту, вслед за идеологами-теоретиками, вносит журналистский корпус, те его представители, которые, являясь, как и «люди казенной науки», «платными наемными работниками» буржуазии, *промышляют* на поприще политической истории, прошлой и настоящей. Само существование *такой* журналистики объясняет, почему погибший в Донбассе оператор А. Клян любил говорить: «оператор – не оратор». Большая часть «ораторствующих» на постсоветских телевизионных каналах и в прессе персон относится к разряду тех людей, кому посвятил свою книгу «Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги» известный немецкий журналист У. Ульфкотте. Будучи в течение 17 лет сотрудником одной из самых влиятельных немецких газет («Франкфуртер альгемайне цайтунг») и даже исполняя одно время обязанности советника правительства канцлера Г. Коля, Ульфкотте в этой книге мужественно признался, что сам «был лакеем» и, приведя неопровержимые, лично ему известные, факты, считал, что «74 процента всех немецких журналистов охотно дают себя купить» [21].

Вся эта, так или иначе буржуазией «купленная» и ставшая ее идеологическим сословием, самовлюбленная публика, от дипломированных профессоров до журналистов, обладающая повышенным самомнением и пониженным порогом нравственности, вкусно и сытно откушав, живет в «мире фраз» и «собственных мнений», в стороне от бытовой неустроенности, страданий и мук большей части человечества, создает «литературу о литературе», но, при этом, мнит себя «интеллектуальной элитой» и, конечно, обижается на Ленина за то, что тот в письме к Горькому однажды сказал про нее: «На деле это не мозг, а г...» [10. С 48]. Сказал, может быть, грубо, но справедливо.

Справедливо потому, что он говорил не об интеллектуальных способностях этой публики, а ее нравственной жизненной позиции, которая не позволяет повторить в их адрес

горьковское «человек – это звучит гордо», а заставляет вспоминать слова потомственного французского аристократа, погибшего в борьбе против фашизма Антуана де Сент-Экзюпери, который свое стремление попасть на фронт и участвовать в воздушных боях объяснял так: «Лишь будучи активным участником событий, можно сыграть действенную роль... Нельзя говорить «мы», когда стоишь в стороне. А если говоришь, тогда ты просто сволочь». Замечательные слова, которые должен помнить каждый «интеллигент», российский в том числе, особенно тот, кто сегодня готов согласиться с писателем Пелевиным, который после создания писателем Прилепиным добровольческого батальона на Донбассе изрек: «Когда твои книги – го*но, приходится зарабатывать терроризмом».

На основании одной, псевдонаучными идеологами вполне заслуженной, фразы не нужно изображать Ленина, человека не только высокой нравственности, но и по-настоящему энциклопедического образования и выдающегося ума, врагом интеллектуалов. В том же письме к Горькому Ленин писал об «интеллектуальных силах» народа, которые необходимо отличать от буржуазных интеллигентов: «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье *выше среднего*. Это факт. Мы их бережем» [10. С. 48]. К тому же оценка Лениным «мозга нации» была направлена против *пособников* буржуазии, которые, относясь к «околокадетским» профессорам и писателям, были причастны к контрреволюционному заговору кадетов в Кронштадте.

С учетом сказанного об отношении буржуазии, ее политиков и теоретиков, к классовой борьбе, различии между пролетарской наукой и буржуазной идеологией, а также нравственными качествами либеральных теоретиков выскажу ряд суждений по дискутируемым вопросам истории Великого Октября и СССР.

Читать Ленина! Несколько замечаний и тезисов к истории Великого Октября и СССР

“Post hoc non est propter hoc”

Латинская поговорка “post hoc non est propter hoc” («после того – не значит вследствие того») имеет прямое отношение к превратным представлениям либеральных умов, которые, путая *причины* и *следствия*, возлагают вину за любые невзгоды жизни людей при Советской власти в России и СССР на большевиков, Ленина и Октябрьскую революцию. Ранее такая путаница отчасти была связана с тем, что существовали закрытые архивы, которые позже стали доступны. Но уже к концу XX века *фактическая* история Октябрьского переворота, гражданской войны и *советской* власти от ее зарождения весной 1917 г. до упразднения осенью 1993 г. была изучена, если не досконально, то достаточно полно и детально, в чем нетрудно убедиться, взяв в руки хорошо документированную, свободную от каких-либо не подкрепленных конкретными фактами «мнений» и произвольных оценок происходившего, книгу питерских авторов И. Ратьковского и М. Ходякова «История Советской России» (СПб., 2001).

Сегодня дело заключается уже не столько в поиске новых документов и сведений, сколько в том, чтобы понять *логику* происходившего и, опираясь на собранный добросовестными историками фактический материал, дать правильную в научном отношении оценку отдельным процессам, событиям и личностям того времени. И здесь, наряду с добросовестной историографией и марксистской методологией анализа, никак не обойтись без обращения к литературному наследию Ленина, которое само является важнейшим документом той эпохи, поскольку в книгах, статьях, выступлениях и письмах вождя Октябрьской революции и первого руководителя советского государства с целью определения стратегии и тактики партии большевиков постоянно фиксировался, анализировался и с марксистской точки зрения оценивался ход истории того времени и действия ее участников (классов, слоев, политических партий и отдельных личностей).

1. Великая...

Нельзя смешивать Февраль и Октябрь 1917 г. и, украв *величие* второго, превращать два совершенно разных исторических события в одну «Великую российскую революцию 1917 года». В Феврале 1917 г. власть в России от *слабохарактерного* царя перешла к политически *безвольной* русской² буржуазии, для которой непроходимой преградой стали все те же «проклятые» вопросы русской жизни, о которые разбилась и рассыпалась империя Романовых.

В истории капитализма только английская и французская буржуазия в дни своей молодости, были по-настоящему революционной силой. Все прочие отряды национальной буржуазии, сталкиваясь в своих странах с пережитками феодализма, действовали нерешительно и непоследовательно. Маркс и Энгельс не раз писали о политической трусости немецких буржуагеров середины XIX века. Чего уж тут говорить о российской буржуазии, которая в 1905 г. испугалась собственной демократической революции. Не успев родиться, она всем ходом предшествующей истории была обречена на то, чтобы быть не революционной, а консервативной силой. Именно политическое безволие привело в октябре 1917 г. к большевистской революции, которая не только решила жгучие вопросы войны и земли, но также открыла для *всего* человечества окно в другой, по-настоящему равноправный и справедливый, мир, благодаря чему сразу стала Великой!

Французская революция 1789-1794 гг. тоже по праву считается и называется «великой». Но величие величию – рознь. Французская революция является «великой» на фоне длинной череды *буржуазно-демократических* революций, от английской XVII в. до тех, которым еще предстоит случиться. И совсем другое дело *величие* Октября 1917 г., который вывел 100-миллионное население огромной России *за пределы* буржуазного мира и с упразднением частной собственности и эксплуатации трудящегося большинства населения праздным меньшинством позволил, кто бы и что бы об этом не говорил, впервые в истории построить, лишенное классового *антагонизма*, «советское общество» и *практически* доказать возможность иной, более справедливой и человеческой, организации общественной жизни.

2. Социалистическая...

Нередко поднимают связанный с СССР и его трагическим финалом вопрос: «Была ли Октябрьская революция социалистической?». Если не быть догматиком и рассматривать вопрос диалектически, то, конечно, была. Но была частично, не полностью. Октябрьская революция – детище не только истории России, тех острейших социально-экономических и политических проблем, которые не смогли решить ни царь, ни Временное правительство, и той конкретно-исторической ситуации, которая после расстрела рабочих демонстраций в июле и корниловского мятежа в августе сложилась к осени 1917 года. Эта революция – *также* детище *международного социалистического* движения, за которым стояли накопленные к тому времени практика и теория революционного пролетариата. Без марксизма, Парижской Коммуны, истории двух Интернационалов и постоянной борьбы внутри социализма революционного крыла с оппортунистической большевистская революция была бы невозможна. Однако полностью, в одной, отдельно взятой стране, социализма построить нельзя. Это дело трудящихся всех стран. Герою повести А. Платонова «Джан» (1934), Назару Чагатаеву, много пришлось увидеть и пережить, прежде чем узнать простую истину: «Счастье всегда имеет большой размер, оно равняется всему социализму».

² Слово «русский» означает здесь не этническую характеристику людей, превращающуюся в отдельных случаях при капитализме в их национальность, а указание на происхождение России от Руси, в силу чего император многонациональной России назывался «русским царем», будучи одновременно «царем» 44 территорий империи, в 19 из которых доминирующим компонентом были люди определенной этнической принадлежности, что (по *царскому* велению) отражалось в названиях соответствующих территориальных образований.

Поэтому не соглашусь с В. Третьяковым, автором в целом правильной, но не бесспорной, статьи «Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года», когда он, подобно историку Булдакову, называет социалистическую мечту о бесклассовом обществе «утопией». У человечества сегодня, как и в годы Первой мировой войны, лишь два выхода из капкана капитализма: или преждевременно исчезнуть в очередной мировой войне из-за корыстных интересов буржуазии ведущих капиталистических стран, или каким-то образом положить конец существующему миропорядку. Третьяков желает защитить большевистский Октябрь от либеральной лжи, но делает это непоследовательно. Подобно либералам он также рассматривает Октябрь с *узконациональной* точки зрения, *вне* классовой борьбы и международного рабочего и социалистического движения, чем невольно делает уступку либерализму.

Именно благодаря Великому Октябрю впервые в виде СССР возникло т.н. «социальное государство». Не то, которое продекларировано в Конституции постсоветской России, где нынешняя власть устанавливает полунищенский прожиточный минимум, а средняя заработная плата по стране в 10-15 раз меньше той, что депутаты, согласно принятому ими же закону, ежемесячно получают. И не то, что, *вопреки* социальной сущности буржуа, под давлением *примера* Советского Союза и борьбы трудящихся за свои социальные права, уже несколько десятилетий на зыбкой частнособственнической основе строится в отдельных странах развитого капитализма. А то, где социальные права человека на труд, образование, медицинское обслуживание, жилье и отдых были *гарантированы* общественной собственностью на средства производства. В этом отношении даже при всех негативных явлениях в истории СССР Октябрьская революция явилась огромным завоеванием международного пролетариата и социализма.

То, чего не хотят признать противники Октября 1917 г., в том числе из бывших «советских», разными путями в период криминальной приватизации перебравшихся в разряд «имущих» и богатых, в том мире, где властвует капитал, очень быстро разглядели и поняли не только активные борцы за «освобождение труда», но и признанные во всем мире представители гуманитарной культуры. «Я особенно благодарен советской революции за то, – писал в 1937 г. американский писатель Т. Драйзер, – что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих... Использовать труд, сельское хозяйство, промышленность, естественные богатства, технику, человеческие знания... на благо всех трудящихся, чтобы обеспечить всем зажиточную и культурную жизнь, – вот урок, который советская революция преподает остальному человечеству...» [15. С. 37]. Спустя 80 лет либеральная власть постсоветской России из опыта Октябрьской революции извлекает *для себя* совсем другие уроки и предлагает обществу согласиться с ней в поисках социального мира между имущими и неимущими.

3. Особенности «социалистического пути» России и советская власть

Двумя особенностями, с самого начала порождавшими невероятные трудности для развития Октябрьской революции и строительства социалистического общества, были: а) значительное преобладание *крестьянского*, по своему классовому положению *мелкобуржуазного*, населения над фабрично-заводскими пролетариями и б) не получившая продолжения в те годы *мировая* коммунистическая революция, с победой которой большевики связывали надежды на успех Великого Октября. В итоге даже после победы в гражданской войне и над Антантой, они оказались в огромной, заселенной мелкобуржуазным, чуждым социализму, людом и находившейся в окружении капиталистических государств стране.

В этой связи наши либеральные идеологи любят вспоминать, что в период между Февралем и Октябрем 1917 г. Плеханов назидательно говорил большевикам: «Русская история не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма». Но разве Ленин этого не знал? Знал не хуже Плеханова. Работая в апреле 1918г. над брошюрой «Очередные задачи Советской власти», он писал: «...Советская власть + прусский поря-

док железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = социализм» [5. С. 550]. А если знал, то почему звал к вооруженному восстанию?

Дело в том, что Плеханов был прав как либеральный интеллигент, который всегда жил внутри него и время от времени, особенно в спорах большевиков с меньшевиками, выползал наружу. А Ленин был прав как марксист, как пролетарский революционер и потому, в отличие от Плеханова, он всегда помнил *материалистическую* заповедь Маркса и Энгельса: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она не сражается ни в каких битвах!» Не «история», а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется» [13. С. 102]. К тому же, в отличие от Плеханова, отталкивавшегося в данном случае от *русской* истории, Ленин рассуждал и действовал как представитель *международного* рабочего и социалистического движения.

Ждать, когда «история» испечет «пирог социализма» для сотен миллионов «униженных и оскорбленных» всей Земли, он, как и многие другие революционеры, включая вождей французской революции конца XVIII в., не мог. В то же время, о том, насколько Ленин ясно видел и точно оценивал сложившееся после Октября 1917 г. внутреннее и международное положение России можно судить по написанной им в ответ на издание группой «левых коммунистов» журнала «Коммунист» брошюре «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Вот лишь несколько выдержек из нее.

В связи с Брестским миром: «Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще более* ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» [6. С. 287].

В отношении лозунга «левых» о «решительном обобществлении»: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода *от* национализации и конфискации *к* обобществлению. ...Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, конфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого умения нельзя*» [6. С. 293-294].

О непонимании того, что переход к государственному капитализму в тех исторических условиях для Советской России был бы шагом вперед: «Именно здесь лежит корень *экономической* ошибки «левых коммунистов». ...Во-первых, «левые коммунисты» не поняли, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов. Во-вторых, они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что *не видят* мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас. В-третьих, выдвигая пугало «государственного капитализма», они обнаруживают непонимание Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства» [6. С. 295].

Об «экономическом отличии Советского государства от буржуазного»: «Неужели не ясно, что в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое нами еще «преддверие», в дверь социализма не войдешь?» [6. С. 303].

Написано все это в мае 1918 г., но уже здесь хорошо просматриваются очертания будущего НЭПа и политики госкапитализма под контролем Советской власти как диктатуры пролетариата. Читайте Ленина, г-да либеральные политики и теоретики, прежде чем давать ему свои по-детски невежественные оценки.

Кому доводилось внимательно читать все послеоктябрьские работы Ленина хорошо знает, в чем он видел преимущества *советской* организации государственной власти по от-

ношению – к возрожденному в постсоветской России – буржуазному парламентаризму и как много внимания он уделял становлению и развитию этой форме государства трудящихся рабочих и крестьян. В марте 1919 г. он писал: «Старая, т.е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т.е. диктатура пролетариата, напротив построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, как ковы завод, фабрика» [7. С. 500].

Именно в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов как форме непосредственного участия трудящихся в управлении своей жизнью он видел гарантию от реставрации капитализма, которой, между прочим, не исключал. Выступая на VII экстренном съезде РКП (б) в марте 1918 г., Ленин говорил: «Думать, что нас не откинут назад, – утопия. ...Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от буржуазного парламентаризма, – если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, – мы будем идти к тому, что опытом завоевано, – к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны» [8. С. 54].

Членам КПРФ, которая из-за отсутствия в послевоенном СССР и постсоветской России революционного рабочего класса никогда не была революционной партией и, превратившись в оппозиционную часть политического истеблишмента, стала аналогом «легального» марксизма, тоже не мешает внимательно читать и изучать труды Ленина.

4. СССР: мелкобуржуазный (партократически-бюрократический) «Термидор» (от Сталина до Ельцина)

С самого начала большевистской революции главного врага социализма *внутри* страны Ленин распознал в «мелкобуржуазной стихии», от которой не были свободны даже его соратники, люди, которые, как он писал, «и по знаниям и по преданности стоят много, много выше *дюжинных* представителей одинаковой ошибки, именно, левых эсеров» [6. С. 285].

Когда после гражданской войны началось строительство новой, свободной от эксплуатации человека человеком, жизни и Ленин увидел, что мелкобуржуазная стихия проникает (зачастую через членов РКП(б)) в органы Советов, начинает их изнутри разъедать, он тут же повел борьбу с этой «заразой». И чем меньше из-за болезни у него оставалось сил, тем более прямой и требовательной была его речь. Он все чаще бичует «комчванство», «комвранье», а также бюрократизм в работе исполнительных органов Советской власти. Дело дошло до того, что знаменитое «Письмо к съезду», которое он начал диктовать в декабре 1922 г. через неделю после сильного приступа, начиналось словами: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» [9. С. 343].

Перемены в «политическом строе» (!) Советской России предполагали, кроме всего прочего, «чистку партии» от мелкобуржуазных элементов путем усиления рабочего контроля за ее деятельностью, вплоть до ЦК. В «Письме к съезду» говорилось: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. ...несколько десятков рабочих, входя в ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. ...Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу..., потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться» [9. С. 347].

Эти и другие политические «заветы» Ленина после его ухода из жизни были полностью проигнорированы. Вместо «чистки партии» был объявлен «ленинский призыв», который, конечно, не ослабил, а лишь усилил ее мелкобуржуазную часть. Между оставшимися «вождями» большевистской партии, Троцким и Сталиным в первую очередь, началась, чего опасал-

ся Ленин, борьба за «первое место». В этом «забеге за властью», будучи генсеком ЦК и имея наибольшее в нем влияние, Сталин организовал и возглавил походы против внутрипартийной оппозиции и ее разгром, что привело, в конце концов, к установлению им режима личной власти, оборотной стороной которого стал культ его личности. Так, в истории Октябрьской революции произошел *мелкобуржуазный* «термидор», который принял форму *партократического бюрократизма*.

В своей биографии, написанной им в 1929 г., Троцкий сравнил историю СССР второй половины 1920-х годов с консервативным переворотом в революционной Франции после свержения Робеспьера 9 термидора. И это сравнение справедливо. Чем дальше Великий Октябрь оставался позади, тем все сильнее руководящий слой ВКП(б)-КПСС, говоря от имени марксизма и Ленина, заражался бациллой мелкобуржуазности в виде бытового мещанства, что вело к порче нравов, росту «комчванства» и «комвранья». Разумеется, все это разлагало рядовое, партийное и беспартийное, население страны, в сознании которого все более росла пропасть между официальной идеологией и восприятием существующей реальности. Как обычно, данное противоречие решилось в пользу бытия, на этот раз мелкобуржуазного бытия, из которого со временем выросли «герои» Беловежья и реставраторы капитализма на родине Великого Октября.

В 1967 г. к 50-летию большевистской революции *крепкий* советский марксист М. Лифшиц написал статью «Нравственное значение Октябрьской революции», которая увидела свет лишь в начале перестройки. В ней он писал: «Чудес в истории не бывает, но в ней бывают великие повороты, иногда неожиданные и настолько богатые историческим содержанием, что они могут казаться настоящим чудом. Невыносимость мировой казармы создала в наши дни громадную массовую силу, пугающую обывателя и действительно чреватую большими бедами, если она не получит свободного выхода. Но эта сила является также великой надеждой человечества... Хотите видеть пример такого чуда? Взгляните на Октябрьскую революцию».

Литература

1. Булдаков В. От утопии к катастрофе: как Россия прельстилась революцией. – http://www.rbc.ru/opinions/politics/09/03/2017/58bec41e9a7947094e610fb9?from=on_subject (дата обращения: 09.03.2017).
2. Госстандарт: Февраль и Октябрь 1917 – теперь Великая российская революция. – <https://regnum.ru/news/polit/2245455.html> (дата обращения: 04.03.2017).
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению. М., 2003.
4. Жириновский предупреждает об опасности хорошего образования. – <https://ria.ru/education/20121017/903400666.html> (дата обращения: 17.10.2012).
5. Ленин В.И. Планы статьи «Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1962. С. 550.
6. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1962. С. 287.
7. Ленин В.И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1963. С. 500.
8. Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1962. С. 54.
9. Ленин В.И. Письмо к съезду // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 343.

10. Ленин В.И. – А.М. Горькому 15 сентября 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51. М.: Издательство политической литературы, 1965. С. 48.
11. Маркс – Зигфриду Мейеру 30 апреля 1867 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. М.: Издательство политической литературы, 1963. С. 454.
12. Маркс – Иосифу Вейдемейеру 5 марта 1852 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 28. М.: Издательство политической литературы, 1962. С. 426-427.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.2. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 103.
14. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 426-427.
15. Мир о стране Октября. М., 1967. С. 37.
16. Мухачев В.В. Трудные времена российского либерализма // Свободная мысль. 2016, № 3.
17. Мухачев В.В. История для Президента // Свободная мысль. 2015. № 2.
18. Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.12.2016).
19. Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости от 30 января 2012.
20. Россия плодит миллиардеров на фоне обнищания населения. – <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/rossiya-plodit-milliarderoi-na-fone-obnishchaniya-naseleniya-1001538712> (дата обращения: 22.11.2016).
21. Снегирев В. Смерть журналиста // Российская газета от 30 января 2017 г.
22. 100-летие Октябрьской революции отметят вне политики. – <http://izvestia.ru/news/654909> (дата обращения: 28.12.2016).
23. Третьяков В. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. – <http://svpressa.ru/politic/article/165229/> (дата обращения: 29.01.2017).
24. Хазин М. Мировой прогноз на 2017 год. – <http://khazin.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/29184-mirovoi-prognoz-na-2017-god> (дата обращения: 22.01.2017).
25. Хазин М. Прогноз для России на 2017 год. – <http://khazin.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/29584-prognoz-dlja-rossii-na-2017-god> (дата обращения: 25.02.2017).
26. Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002.
27. Хомский Н. Классовая война. М., 2003.
28. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М.: Издательство политической литературы, 1961.
29. Число трудовых бунтов выросло на треть. – <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/chislo-trudovykh-buntov-v-rossii-vyroslo-na-tret-1001758709> (дата обращения: 16.02.2017).